

ИЗНАНКА ТАЙГИ

РУСЛАН МАХМУДОВ

Руслан Махмудов

Изнанка тайги

«Автор»

2026

Махмудов Р.

Изнанка тайги / Р. Махмудов — «Автор», 2026

Ибиро, 1908 год. После Тунгусской катастрофы в тайгу тайно отправляется частная экспедиция. Учёные рассчитывают совершить открытие, её покровитель — спасти своё состояние. Среди нанятых людей скрывается беглый каторжник, чью тайну знает врач Михаил Нестеров. Но возле места взрыва привычные законы перестают действовать. Компасы лгут, вода течёт в невозможном направлении, а тропа между деревьями выводит совсем не туда, куда должна. Первая попытка разобраться в происходящем оборачивается гибелью. Пока Нестеров ищет способ вывести людей, кто-то продолжает собирать образцы. Запасы иссякают, раненные замедляют путь, и каждое новое решение требует доверия к тем, кого уже подозревают во лжи.

© Махмудов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужое имя	6
Глава 2. За рекой	11
Глава 3. Зарубка	15
Глава 4. Работа для восьмерых	18
Глава 5. Восемь голосов	22
Глава 6. Обратная тропа	25
Глава 7. Две стороны дерева	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Руслан Махмудов

Изнанка тайги

Изнанка тайги

Руслан Махмудов

Глава 1. Чужое имя

Когда Михаил Нестеров снял повязку, из раны выпала еловая заноза.

Тонкая, почерневшая от крови, она прилипла к коже. Нестеров подцепил её пинцетом и положил на край блюда. Молодой человек на лавке проводил пинцет взглядом и приподнялся, чтобы рассмотреть занозу.

— Где это случилось?

— На берегу.

— Я вижу, что не в постели. Как?

Молодой человек посмотрел на дверь.

В соседней комнате торговали мукой. Кто-то долго пересыпал её в мешок; мучная пыль проходила сквозь щели перегородки, и на тёмном рукаве Нестерова уже выступил белый налёт. Врач накрыл инструмент чистой салфеткой.

— Острый сук вошёл сбоку. Потом вы его выдернули. Часть осталась. Когда?

— Три дня.

От двери ответили:

— Дней пять.

Там стоял Егор Круглов, которого Нестеров успел увидеть лишь за ужином. Седина у него росла двумя полосами от висков к скулам; вытертый ворот рубахи был заштопан белой ниткой. Он держал таз с водой так, как держат тяжёлый предмет люди, привыкшие экономить каждое движение: подхватив снизу ладонью, прижав к бедру.

Молодой человек отвернулся.

Нестеров указал на табурет.

— Ставьте сюда. А вы не помогаете мне, когда убавляете дни.

Он прощупал голень. Кожа выше раны была горячее, но краснота не уходила далеко; больной не жаловался на озноб. Нестеров спросил, спал ли он ночью, и получил ответ слишком быстрый, чтобы поверить. Потом спросил Круглова. Тот качнул головой.

— Сегодня в дорогу нельзя. Завтра посмотрим.

— Завтра они уходят.

— Значит, вы останетесь.

Молодой человек приподнялся на локте. Нестеров положил ладонь ему на колено, удерживая ногу, и почувствовал, как под кожей напряглась мышца.

— Остаться нельзя.

— Я сказал: посмотрим. Лягте.

Больной подчинился. От этого послушания врачу стало немного не по себе. Обычно с ним спорили: торговались за день постельного покоя, спрашивали, можно ли работать хотя бы одной рукой. Этот молодой человек проглотил возражение вместе со слюной.

Нестеров промыл рану. Глубоко резать пока не требовалось; он извлёк вторую занозу, попросил Круглова держать ногу и начал накладывать чистую повязку. На голени обнаружились ещё две отметины — старые, почти симметричные. Узкие полоски побелевшей кожи шли там, где мог тереться железный обруч.

— Как вас зовут?

— Андрей Савин.

— Возраст?

— Двадцать четыре.

Он назвал возраст без запинки. Имя — после паузы.

Когда повязка была готова, Круглов помог ему сесть. Савин осторожно опустил ногу и попытался спрятать её под лавку. Врач велел оставить её на табурете.

— Поесть можете сейчас. Воду принесу. На улицу сегодня не выходить.

— А на двор?

— На двор можно. Егор Никитич, поможете.

Круглов ничего не обещал, только переставил таз так, чтобы больной не задел его здоровой ногой.

В комнате торговли смолкло пересыпание. Послышался короткий смех, затем дверь открылась и вошёл Виктор Петрович Ребров. Даже здесь, в жаркой тесноте, он носил жилет. В кармашке лежали часы на цепочке, из другого торчал карандаш. Его сапоги были покрыты высохшей глиной по самый рант; прежде чем шагнуть к столу, он обтёр подошвы о порог.

— Ну как наш плотник?

— Пока он мой больной.

— Это совместимо.

Ребров посмотрел на повязку, не приближаясь. За восемь дней знакомства Нестеров заметил эту привычку: предприниматель старался не мешать человеку, который работал руками. Зато потом предъявлял к результату такие требования, будто помимо денег вложил собственный труд.

— До завтра оставьте его в покое.

— Разумеется. Егор, отнеси ему похлёбку. В котле осталось.

Круглов не двинулся. Ребров чуть поднял брови.

— Михаил Андреевич, мне нужно с вами поговорить.

Врач посмотрел на больного.

— Я вернусь.

В конторе было прохладнее. Нижняя половина окна оставалась затянута пузырчатым стеклом, верхнюю раму сняли на лето. С реки доносился стук: на берегу укрепляли борта лодки. Нестеров уже второй день хотел посмотреть лодку. Ему обещали, что больного можно будет отправить вниз к жилью; оставалось узнать, сколько займёт дорога. Но каждый раз его звали раньше, чем он добирался до берега.

На столе лежала бумага. Ребров прикрыл её рукой, предлагая врачу сесть.

— Вы увидели следы?

— Увидел.

— Они оба бежали. Круглов и этот. Настоящая фамилия — Савельев. Антон.

Нестеров остался стоять.

— Вы поставили меня рядом с ними и решили сказать это теперь?

— Я поставил вас рядом с людьми, которым нужен врач. Если бы вы отказались, что изменилось бы для них?

Ребров произнёс это спокойно. Именно спокойствие заставило Нестерова отодвинуть стул, чтобы не ухватиться за его спинку слишком сильно.

— Вы хотите, чтобы я лечил его под чужим именем?

— Я хочу, чтобы вы лечили его как человека.

— Лечить я буду. Что ещё?

Ребров убрал ладонь с бумаги.

Это был небольшой лист, уже исписанный ровным почерком. Внизу оставалось место для подписи. Нестеров прочёл первую строку, потом последнюю, затем всё между ними.

Документ удостоверял, что человек, назвавшийся Антоном Савельевым, умер от заражённой раны и был погребён при временной стоянке партии. Дата была вчерашняя.

Врач подвинул лист обратно.

— Нет.

— Он останется здесь с вами. Через неделю будет на ногах. Через две здесь может оказаться человек, который его узнает.

— Может. А может, не окажется.

— Я не могу дать ему паспорт. По крайней мере сейчас. Хозяин фактории получил с последним обозом описание Антона Савельева. Догадался, кого я нанял. Потребовал объяснить, куда делся Антон Савельев, иначе сообщит при первом удобном случае.

Ребров вынул из портфеля исписанный лист. В описании были рост Савельева, возраст и две старые отметины на голени. Нестеров прочёл, затем положил лист обратно.

— И вы решили дать ему мою записку?

— Он положит её к своим бумагам. Может, на этом остановится.

— Без осмотра тела? Без настоящего погребения?

— Не перед судом же я собираюсь её предъявлять.

— Если начнут разбирать, до суда как раз и дойдёт. Такая записка ничего не отменит.

— Знаю. Но сейчас ему нужно что-нибудь положить вместо донесения.

— И назвать меня.

— Да.

Ребров не стал говорить, что врача никто не тронет. Не стал обещать, что всё взял на себя. Он сидел с расстёгнутой верхней пуговицей жилета и смотрел на лист, словно считал его стоимость.

— За что осуждён Савельев?

— Участвовал в нападении на железнодорожную кассу. Говорит, стоял у двери.

— А Круглов?

— Убил приказчика. В драке. Он этого не отрицает.

Нестеров вышел на крыльцо.

После холодноватой конторы свет ударил в глаза. У лодки работал человек в выцветшей синей рубашке; он забивал деревянный клин короткими, бережными ударами. На другом берегу стоял лес. С такого расстояния невозможно было представить, что севернее целые склоны лежат вповалку.

Взрыв слышали здесь семнадцатого июня, тридцатого по новому стилю. В тот день Нестеров сидел в сенях и разбирал лекарства. Сначала ему показалось, что рядом опрокинулось что-то тяжёлое. Затем качнулась стена. Склянка карболовой кислоты ударилась о край ящика, но уцелела. Двое выбежали на улицу, третий зачем-то нырнул под стол. Позже они пересказывали друг другу, что видели и слышали, и рассказы менялись даже у одних и тех же людей.

Ребров тогда ещё готовился к обследованию притоков: искал выходы породы, нанимал людей, покупал припасы. К северу посылали охотника. Он вернулся, рассказав о поваленном лесе и обожжённых животных. За ужином после возвращения охотника Ребров заговорил о небесном железе, которое стоит искать прежде других. Гранин отвечал, что такой случай для наблюдений может больше не представиться. Нестеров собирался быть врачом обычной геологической партии, а оказался среди людей, которые торопились к месту взрыва.

На крыльцо вышел Круглов. В руках у него была пустая миска.

— Вы его не трогайте.

Нестеров повернулся.

— В каком смысле?

— Ребров вам сейчас наговорил. Антон у двери стоял. Кассира не бил. Это не оправдание, я знаю.

— Почему убежали?

— Потому что дверь открылась.

— А раньше?

Круглов поставил миску на перила. Подумал.

— Раньше не открывалась.

От реки потянуло дымом. Человек в синей рубашке перестал стучать и позвал Круглова помочь повернуть лодку. Тот не ответил.

— Сам Савельев знает о бумаге? — спросил врач.

— Ребров сказал, будет документ. Антон решил — на новое имя.

— Это совсем другое.

— Я понимаю. Он хуже понимает.

Врач вернулся в комнату. Савельев ел с хлебом, аккуратно собирая ложкой последнюю крупу. При виде Нестерова он положил ложку.

— Доешьте.

Тот подождал, не притрагиваясь к миске.

Нестеров объяснил, что на листе будет написано. Говорил негромко, стараясь не употреблять выражений, которым могло бы найтись удобное другое толкование. Антон слушал. Когда врач дошёл до слова «погребён», молодой человек посмотрел на собственную ногу.

— А потом?

— Потом вы останетесь живы. Под чужим именем. Бумага не сделает вас свободным человеком по закону.

— И если поймают?

— Я не знаю, что решат с этой бумагой. Хорошего она тогда не прибавит ни вам, ни мне.

Савельев подвинул миску.

— Тогда не надо.

Нестеров почувствовал облегчение. Он уже приготовился ответить, что так будет лучше, но молодой человек продолжил:

— Я пойду завтра. Здесь не останусь.

— Вы можете потерять ногу.

— Если останусь, тоже могу.

— Это не одно и то же.

— Вам.

Савельев не повысил голоса. Он снова взял ложку, но есть не стал: вертел её в пальцах, рассматривал затёртое клеймо.

Нестеров мог сказать Реброву, что подписи не будет. Мог уйти из партии. У него оставались деньги на обратную дорогу, и хозяин фактории, вероятно, не отказал бы в ночлеге. Но Антон всё равно попытался бы уйти — один или с Кругловым. Врач представлял такую дорогу яснее, чем возможное расследование: сырая повязка, грязь, жар, потом человек, который уже не в состоянии назвать, где у него болит.

— Если я подпишу, вы останетесь здесь ещё на день. Реброву будет что оставить хозяину. Я потребую, чтобы партия вышла позже.

— А он потом эту бумагу покажет?

— Может показать. Я не умею сделать её безопасной.

— Ребров не согласится.

— Я поговорю с ним.

Антон положил ложку. На этот раз в его взгляде появилась та расчётливая осторожность, которую Нестеров узнавал у пациентов, наконец заметивших возможность поторговаться.

— И Егор останется?

— Останется.

Врач поднялся, чтобы идти к Реброву. Антон ещё держал ложку; так и не начал есть.

В конторе Ребров выслушал условие молча. Перевернул часы крышкой вверх.

— На сутки. Более я не задержу всех. Завтра отдыхаем, послезавтра идём.

— Он не понесёт выюк.

— Не понесёт.

— Если ему станет хуже, мы возвращаемся.

Ребров посмотрел на него, но спорить не стал.

Нестеров перечитал бумагу. Заменял «от заражённой раны» на «вследствие болезни». Потом зачеркнул собственную поправку: ложь не становилась меньше от того, что диагноз звучал неопределённое.

Он потребовал новый лист.

Когда подпись высохла, врач насыпал её песком и осторожно стряхнул песок обратно в чашечку. Ребров забрал свидетельство. Нестерову досталась чистая поверхность стола и заметный отпечаток на пальце — чернила затекли под ноготь.

Поздно вечером он вернулся к больному. Антон спал. Левая нога лежала на свёрнутой телогрейке; Круглов устроился рядом на полу, подложив под голову куртку. Оба проснулись от света лампы, но Егор сразу прикрыл глаза, давая врачу работать.

Нестеров проверил повязку. Она оставалась сухой.

Антон поблагодарил его шёпотом:

— Спасибо.

Врач кивнул. На столе ещё лежало блюдо с двумя занозами. Он взял его, вышел в сени и высыпал содержимое в печь, хотя печь давно остыла.

Глава 2. За рекой

На следующее утро Семён Дулин пришёл возвращать задаток.

Он выложил деньги на лавку перед Ребровым, пересчитал их ещё раз, хотя пересчитал при входе, и положил рядом маленькую потёртую расписку. Нестеров в это время делил перевязочный материал на два свёртка. Через открытую дверь ему было видно, как Дулин удерживает расписку двумя пальцами: бумага скручивалась и тянула за собой крайнюю монету.

Ребров подвинул расписку к проводнику.

— Ты вчера согласился.

— Вчера не знал, что вам нужно дойти до самого места.

— Мы не будем подходить к огню.

— Там давно нет огня.

Ребров перестал перебирать деньги.

Дулин был невысок, широк в плечах. Свою рубаху он, видимо, шил не для встречи с нанимателем: под правой рукой стояла новая заплата, по краю шёл шов крупнее основного. Он держал шапку, а не мял её. Пока другие люди подбирали слова, Дулин ждал, не помогая им.

— Тем более. Чего ты боишься?

— Не знаю, что осталось от пути. Поэтому не обещаю.

— Мы платим за двадцать дней. Если придётся дольше, добавим.

— Я за плату дорогу ищу. Если её нет, от платы не появится.

Ребров заметил врача в дверях.

— Михаил Андреевич, вы как раз просили сроков. Семён, объясни при нём. Сколько можно пройти?

Дулин повернулся к Нестерову, будто проверял, будет ли разговор теперь другим.

— До стоянки моего брата было три дня с оленями. Ещё оттуда — смотря как идти. Он должен был прийти сюда. Не пришёл.

— Когда его ждали?

— Пять дней назад.

— Бывает, что задерживается?

— Бывает.

Дулин не добавил ничего. Реброву пришлось самому выговорить вопрос:

— Ты хочешь искать его?

— Хочу. Но не вести восемь человек туда, где сам не был после удара.

Нестеров положил свёрток.

— Тогда договоримся иначе. Вы ведёте до места, которое знаете. Дальше смотрим все вместе. Если дороги нет, возвращаемся.

— Все вместе — это кто скажет? — спросил Дулин.

Ребров улыбнулся, словно услышал забавную придирку.

— Я же не повезу вас в клетке.

Дулин оставил деньги на лавке.

В дверях появился Павел Корин. Врач уже знал его: именно Корин ходил к краю вывала и вернулся с известиями, заставившими Реброва изменить маршрут. Павел Саввич носил бороду, которую недавно коротко остриг, оставив на подбородке неровный пучок. У него были крепкие зубы и привычка показывать их даже в разговоре, не обещавшем веселья.

— Семён, ну чего ты? Я ж ходил. До третьего ручья всё осталось. Один завал большой, обойдём.

— Ты дошёл до третьего и вернулся. Еремей пошёл дальше.

— Ну так найдём.

— Не обещай.

Корин развёл руками. Нестеров вспомнил, как вчера тот легко согласился, что можно отправить больного вниз на лодке. Сегодня захотелось спросить, кто будет грести, где кончается доступный путь и сколько займёт дорога, но разговор о проводнике требовал закончить другое.

Врач попросил у Реброва лист. Написал несколько строк: сколько людей выходит, какой запас берут, на сколько дней рассчитан путь. Отдельно указал, что Дулин не отвечает за сохранность прежнего маршрута и вправе отказаться от дальнейшего движения, если не может найти безопасный проход. Ребров прочёл.

— Я не понимаю последней строки. Мы же можем найти проход без него.

— Можете. Тогда он не обязан идти с вами.

— А плата?

— За время, которое он отработал. И задаток останется у его семьи.

Предприниматель посмотрел на деньги. Дулин ждал.

Нестеров чувствовал, что защищает теперь разумное условие. После вчерашней подписи особенно хотелось иметь перед глазами бумагу, в которой всё написано правильно.

Ребров подписал новые условия. Дулин взял расписку, но деньги оставил до вечера: сначала хотел поговорить с женой.

Остаток дня ушёл на вещи.

На полу амбара сложили двадцать суточных долей сухого запаса на восьмерых: муку, сухари, крупу, соль и чай. Часть груза уже распределили раньше, для более долгого обследования, теперь отобрали только необходимое. Корин настоял на дополнительной соли; Гранин требовал оставить два ящика приборов. Его помощница Лидия Вельт сидела на корточках перед фотографическим аппаратом и показывала, почему один из ящиков никак не может заменить другой.

— Здесь пластинки. Здесь кассеты. Если вы положите их вместе, потом будете спрашивать, почему не получилось снимка.

— Я спрашиваю, почему для снимков нужен целый олень.

— Олень для еды, штатива, палатки и моих двух ящиков. Мои — девять фунтов с небольшим. Давайте взвесим.

Вельт поднялась, вытерла ладони о фартук и сама пошла за весами. У неё был невысокий голос, временами почти терявшийся среди мужских. Поэтому она редко повторяла просьбу; чаще выполняла её собственными руками, чтобы спорить пришлось с результатом.

Нестеров помог ей поставить ящик на чашу.

— Вы давно здесь?

— Третью неделю. Мы прибыли с Аркадием Ильичом прежде вас. Я собиралась работать с растениями по притокам. Сейчас, кажется, будем собирать то, что от них осталось.

— Вас не тревожит этот путь?

— Тревожит.

Она дождалась, пока стрелка весов успокоится.

— Девять фунтов и ещё вот столько. Скажите сами Виктору Петровичу. Мне он не верит, когда я показываю.

Гранин, высокий человек с покрасневшей шеей, стоял над раскрытым инструментальным ящиком. Перебирал компасы, простукивал деревянную оправу одного из них ногтем. Врач подошёл к нему, чтобы спросить о скорости движения.

— Аркадий Ильич, я хочу понять, сколько будет остановок.

— Сейчас никто не может это понять.

— Сколько вы предполагаете?

— Столько, сколько нужно для наблюдений.

— Тогда мы можем не уложиться в двадцать дней.

Гранин поднял глаза.

— В двадцать дней можно и не дойти. Корин говорит о пути до края вывала. Что дальше, неизвестно. Я не собираюсь обещать вам прогулку.

Это был первый ответ за день, в котором Нестеров не слышал скрытого желания продать ему уверенность. Он кивнул.

— Савин идёт с раной. Она очищается, но он будет нас задерживать.

— Пусть задерживает. Он не станет здоровее от того, что остальные будут смотреть на него сердито.

Позже, когда Гранин отвернулся, врач с облегчением заметил, как пожилой учёный перекладывает один прибор в личную сумку: ящик стал легче. Нестерову хотелось думать, что это уступка общему запасу. Но Гранин обернул прибор своим шарфом и сунул в сумку стеклом внутрь. Для выюка он не убавил ни одной вещи.

Четырёх выючных оленей привели к вечеру. Дулин вернулся с ними и с узким кожаным ремнём для починки упряжи. Деньги он забрал.

Ночевали плохо. В соседней половине дома кашляла девочка, которую Нестеров осматривал ещё в день приезда. Кашель стал мягче, дыхание оставалось ровным; её мать всё равно приходила к врачу дважды. Нестеров дал ей воды для дочери, повторил, что завтра его не будет, и показал, как посчитать частоту дыхания. Женщина отвечала «поняла», хотя смотрела на его дорожную сумку.

Антон проснулся до рассвета. Врач сменил ему повязку; краснота отступила. Больной осторожно прошёл несколько шагов по комнате. Хромал, но уже не удерживал ногу на весу.

— Не терпите молча. Скажете, если станет хуже.

— Скажу.

Врач хотел поверить, что это обещание чего-то стоит. Он положил запасную повязку в верхний карман собственного мешка, чтобы не пришлось искать её между вещами.

Через реку переправлялись на двух лодках, делая несколько рейсов. Олени беспокоились, но Дулин справился без крика. Один всё-таки ударил ногой и расколол тонкую планку возле борта. Корин поднял обломок, с досадой осмотрел и бросил на берег.

Нестеров переправлялся последним, вместе с Антоном и Ребровым. На середине реки ветер отнёс к ним запах рыбы из оставшегося на берегу котла. Врач почему-то подумал, что можно ещё вернуться, поесть горячего и лечь на ту же лавку. Он потянул ворот от шеи: рубаха была мокрой ещё до выхода в лес.

На другом берегу Антон попросил шест. Врач хотел отказать, чтобы освободить ему руки, но Дулин передал длинную палку.

— Упрётся, когда нога устала. Лучше, чем держать его за локоть весь день.

Нестеров принял поправку.

Они пошли к северу. Корин шёл первым, Дулин вёл оленей, остальные двигались между ними. Ребров то забежал вперёд, то оставался возле выюков, проверяя, не трётся ли брезент о выступающие углы ящиков. Круглов держался рядом с Антоном. Лидия несла аппарат на широком ремне через плечо; на стоянках ей предстояло снимать, и поэтому от другой тяжести её освободили.

Дорога пока существовала. Следы копыт, примятая прошлогодняя трава, узкие проходы между деревьями. К полудню Нестеров убедился, что больной идёт без ухудшения, и перестал смотреть на него каждые десять шагов.

После обеда они пересекли маленький ручей. На его дальнем берегу лежала лиственница с почти целой кроной. Земля под корнями поднялась стенкой; из неё торчали камни и комья мха. Дулин задержался, ощущал ещё влажную тонкую ветку.

— Здесь раньше не было.

Корин, уже перебравшийся через ствол, обернулся.

— Одна. Дальше будет больше.

К вечеру больше и стало.

Но первый ночлег устроили в уцелевшем лесу. Вязали оленей, кипятили воду, сушили портянки. Антон сидел у костра и держал ногу подальше от жара; Круглов молча подал ему кусок хлеба потолще собственного.

Нестеров раскрыл записную книжку. На чистой странице вывел: «Двадцать пятого июня. Восемь человек».

Ниже написал две фамилии: Савин и Круглов. Первую обвёл карандашом, потом стёр лишнюю линию пальцем. От этого над именем появилось серое пятно.

Глава 3. Зарубка

К обеду второго дня Корин перестал говорить, что скоро станет легче.

Он ещё дважды поднимался на стволы, разглядывал склон, шевелил губами, прикидывая дорогу. Потом спустился, вынул топор и сделал первую зарубку. В свежую древесину почти сразу набилась мошка.

— Здесь влево. На обратном пути не перепутаем.

Нестеров посмотрел туда, где во время прежней разведки Корин видел проход. Земля всё ещё была видна между корнями, но теперь он понимал, почему проводник не хотел давать обещаний. Деревья лежали не плоско. Один ствол навалился на другой, между ними застряли сломанные вершины, и над привычной почвой образовался второй, шаткий пол. Приходилось выбирать, где пролезть снизу, где обойти, а где можно встать на древесину, не провалившись ногой.

Оленей разгрузили. Круглов забирал выюк с одного бока, Ребров — с другого. Лидия заметила, что так упряжь съезжает и груз может упасть, показала крепление. Ребров выслушал, поправил ремень, на этот раз не споря.

Первое препятствие заняло почти час. Врач помогал Антону, который пересекал завал на здоровой ноге. Юноша опирался на палку, касался больной ногой коры и сердился всякий раз, когда кто-нибудь тянул его слишком быстро.

На другой стороне Нестеров предложил снять повязку.

— Здесь? — спросил Антон.

— Надо посмотреть.

Тот показал на собственные руки, чёрные от смолы и земли.

Врач сам вымыл пальцы водой из фляги, посадил больного на сложенный плащ. Внешняя повязка загрязнилась, внутренняя оставалась чистой. Рана не кровила. Он мог бы не трогать её до вечера; теперь пришлось расходовать полосу бинта.

Антон смотрел на отрезанный кусок.

— Я бы сказал, если бы болела.

Нестеров завязал узел.

— На фактории вы тоже говорили про три дня.

— Тогда я вас не знал.

Дальше проход сузился, и они пошли по одному. Когда Корин поравнялся с вывороченной корневой плитой, Гранин позвал его.

Учёный держал перед собой компас. Стрелка не могла успокоиться. Отклонялась вправо, возвращалась, задерживалась, будто прибор вот-вот должен был показать обычное направление, и опять уходила.

— Отойдите.

Корин посмотрел на свой топор.

— Я вон там стоял.

— Всё равно отойдите.

Он сделал несколько шагов. Гранин переместился сам. У крайнего камня стрелка остановилась.

— Теперь подойдите без топора.

Корин снял топор, оставил у Нестерова и вернулся. Учёный посмотрел на компас, затем на деревья.

— Любопытно.

— Небесное железо? — Ребров подошёл так быстро, что задел плечом врача.

— Не знаю. Другой прибор дайте.

Лидия вынула запасной компас. На том же месте он тоже стал вести себя странно, но иначе: не покачивался, а медленно повернулся почти на четверть круга. Гранин поставил оба прибора на сухой обломок, попросил всех держаться в стороне. Потом поднял их и понёс вверх по склону.

Корин скрестил руки.

— Сто лет здесь ходили без вашего стекла.

Дулин показал на завал.

— До удара здесь была тропа. Сегодня и её нет.

Проводник не улыбался. Подождал, пока врач посмотрит в указанную сторону.

Гранин вернулся. Оба прибора снова показывали одно направление.

— У этой корневой плиты. За десять шагов уже меньше. Будем записывать.

Ребров ткнул пальцем в мокрую древесину.

— Значит, здесь железо.

— Значит, здесь показания ненадёжны.

Вельт поставила крестик в книжке и записала расстояние до ручья. Нестеров заглянул через её плечо. Слова «небесное железо» там не было.

Через полчаса они вышли на небольшой открытый участок. Вершины лежавших деревьев были направлены к ним, корни — дальше по склону. Ребров позвал Гранина посмотреть: из такого положения, по его мнению, можно было заключить, откуда ударило. Учёный ответил, что по одному участку заключать рано, но участок зарисовал.

У Нестерова промокла рубаха между лопаток. Он выпил воды и обнаружил, что пьёт слишком жадно. Налил остаток в кружку, чтобы не опустошить флягу незаметно для себя.

Лидия сняла аппарат с плеча. Для снимка выбрала место, где в кадр попадали корни и примятый лес за ними. Установила штатив, переждала, пока Ребров отойдёт из поля зрения. Тот спросил, когда можно будет посмотреть снимки.

— Когда доберёмся до места, где я смогу работать с пластинками.

— Я надеялся, вы умеете в палатке.

— В палатке умею. Но мне нужно свободное место и темнота. Вчера вы велели положить туда мешки.

Ребров посмотрел на ящики и не стал больше торопить.

Пока она работала, Круглов вытаскивал из ремня сухую щепку от упаковочного ящика. Она крошилась в пальцах. Он вынул нож и подрезал край, не касаясь ремня. Ребров, проходивший мимо, попросил посмотреть нож.

— Хорошая сталь.

— Режет.

— Откуда?

Круглов убрал нож прежде, чем ответить:

— Купил.

Разговор кончился. Нестеров заметил, что рядом с остальными Егор говорил ещё меньше, чем на фабрике. Антон, напротив, иногда пытался включиться в общий спор, но сейчас устал настолько, что просто сидел, положив ладонь на палку.

Дулин обнаружил проход вдоль склонового ручья. Он вёл не туда, куда хотел Корин, зато позволял провести оленей. Решили сделать крюк. Гранин поставил отметку на листе, уточнил время, спросил у проводников, сколько они прошли. Получил два ответа: чуть больше пяти вёрст и меньше четырёх. Записал оба.

Ручей пах вымытой землёй. Вода была прозрачной возле камней и бурой в лужицах под корнями. В одном месте они нашли рыбу, зажатую между ветками; Дулин посмотрел на жабры и оставил её. Нестерову не хотелось тратить силы на вопросы о каждой вещи, и он промолчал.

После поворота ручей нырнул под сдвоенный ствол. Корин остановился, поднял руку.

— Вот ведь.

На лиственнице справа белела зарубка.

Нестеров узнал её сразу — или решил, что узнал. Нижний край был широким, верхний сбит, через середину шла тонкая полоса коры, оставшаяся после неловкого удара. Корин сделал точно такую зарубку перед первым завалом.

— Твоя? — спросил Ребров.

Корин подошёл и провёл пальцем по свежей поверхности.

— Моя. Ну, значит, круг дали.

Дулин положил палку поперёк ручья.

— Мы всё время шли по воде.

— Откуда-то же мы сюда пришли.

Гранин велел не спорить и сначала осмотреть место. Нестеров попробовал вспомнить первый завал. Там была поднятая корневая плита, они разгружали оленей на наклонной площадке, он сидел возле Антона. Здесь ручей шёл по узкой расселине, выше лежали два ствола, а корней вообще не было видно.

Круглов присел возле ствола.

— Не то дерево.

Корин покосился на него.

— Ты их по имени знаешь?

— Первое толще. И ветка с юга была. На нём топор сорвался по сучку, поэтому край такой. Здесь сучка нет.

Нестеров наклонился к зарубке. Верхняя граница была действительно рваной. Он не умел отличать след сорвавшегося топора от следа обычного удара, но древесина ещё пахла свежим соком.

— Здесь кто-нибудь другой ходил? — спросил он.

Корин пожал плечами.

— Мог. Не пешком же мы первые на свете.

Дулин присел возле берега. Несколько раз тронул землю, посмотрел на ручей выше и ниже ствола.

— Следы есть только наши.

— После воды не всякий след увидишь.

— Здесь берег сухой.

Лидия записала что-то. Нестеров заглянул в книжку: «Вторая зарубка. Свежая. Форма первой?» Знак вопроса она обвела, чтобы не потерять между строк.

Ребров предложил пройти дальше. Если они в самом деле сделали круг, стояние возле дерева ничего не исправит.

Гранин согласился, но прежде попросил Корина оставить новый знак — не такую зарубку, а два коротких удара друг под другом.

Круглов поднял голову.

— Зачем ещё портить дерево? Тряпку повяжите.

— Для различения.

— Тряпку тоже можно различить.

Учёный чуть помедлил. Лидия достала полоску красной ткани, которой перевязывала кассеты, и отдала Корину. Тот привязал её к торчащей ветке, затянув узел особенно сильно.

Нестеров взял Антона за локоть и помог встать. Он опять посмотрел на зарубку. По белой поверхности ползла мошка. Три насекомых двигались к середине, и все три исчезли за одним краем рваной коры.

Врач повёл больного дальше. Должно быть, там была щель.

Глава 4. Работа для восьмерых

У следующего завала Дулин велел остановиться.

Ребров начал было снимать ремень с вьюка, но проводник показал, что дело не в тяжести. Один из стволов опирался на тонкую берёзу; она согнулась, удерживая его почти на высоте человеческого плеча. Если пройти под ним с оленем, вьюк мог задеть опору. Если рубить, опора могла сломаться раньше, чем человек успеет отступить.

Корин попробовал другой проход. Протиснулся между двумя корнями, потом вернулся, показывая содранный рукав.

— Там ещё хуже.

Дулин показал вверх по склону.

— Значит, ищем выше.

Ребров взглянул на часы.

— Мы так к зиме придём.

На часах было начало пятого. За день прошли совсем немного. Нестеров посмотрел на Антона: тот уже не выпрямлял больную ногу полностью и садился при каждой остановке. Егор стоял рядом с ним и не лез в спор. Врач попытался понять, почему молчит человек, разбирающийся в дереве лучше остальных.

— Егор Никитич, нельзя укрепить ствол?

Круглов посмотрел на берёзу.

— Можно. Пока будете укреплять, она лопнет.

— А снять с неё нагрузку?

— Можно. Восемь человек будут держать. Девятый проведёт оленя.

Ребров выругался вполголоса.

Круглов подобрал длинную сухую ветку, протолкнул её между стволами, осторожно нажал. Верхнее дерево качнулось; внизу хрустнуло. Он сразу отпустил.

— Слышали? Не лезьте туда.

Лидия подхватила сумку и отошла. Ребров поднял оставленный возле берёзы мешок; остальные ждали его выше по склону.

Поднялись выше по склону. Там им пришлось переносить груз по частям. Антону оставили маленький мешочек с чаем, который можно было положить за пазуху, и велели идти без помощи, в собственном темпе. Нестеров не сразу согласился: хотелось держать больного рядом. Но при переноске он сам нуждался в обеих руках.

Один раз Антон поскользнулся. Круглов, шедший следом, схватил его за ворот. Потом оба несколько минут стояли, не разговаривая, пока молодой человек не перестал дрожать от напряжения.

Когда перевели последнего оленя, стало ясно, что идти дальше сегодня невозможно. Сухую площадку нашли над ручьём. Вода была достаточно близко, но лежащие стволы не подходили к ней вплотную. Дулин осмотрел место, снял с ног намокшие онучи и только потом разрешил разгружать животных.

Гранин захотел вернуться к зарубке.

Нестеров услышал это и почти сразу сказал, что одному нельзя. Учёный посмотрел на него устало.

— Я предлагаю вам пойти.

— Мне нужно осмотреть Антона.

— Савина?

Нестеров замолчал.

Гранин не придавал оговорке значения. Позвал Лидию, но та уже раскладывала палатку. Тогда согласился Круглов. Ребров добавил, что тоже пойдёт; хотел убедиться, что путь отмечен.

Врач занялся ногой. Отёк немного усилился, но края раны не разошлись. Антон смотрел мимо него.

— Не надо завтра делать, как сегодня.

— Вы имеете в виду ходить?

— Сидеть, пока все таскают. Пусть я медленнее. Я всё равно донесу.

— И после этого вообще не пойдёте.

— Я чай принёс. Все пили.

Нестеров смотал грязную повязку в комок. Его пустая кружка стояла возле больного. Он отодвинул её, освобождая место для таза.

— Завтра дадим вам что-нибудь лёгкое. Если нога позволит.

— Вы всё говорите «если». Она же моя.

Нестеров поднял голову. Антон смотрел на него прямо. Врач развернул свёрток с чистым полотном и положил рядом, так, чтобы больной тоже мог до него дотянуться.

— Ваша. Тогда скажите сейчас: где больнее, чем утром?

Юноша показал сбоку от раны. Нестеров проверил именно это место, а не стал ещё раз снимать всю повязку.

Разведчики вернулись уже после того, как вода закипела. Ребров принёс завернутую в лист бумаги щепу. Гранин — зарисовку.

Гранин расправил принесённый лист.

— Ткань на месте. А первой зарубки мы не нашли. Прошли по верхнему краю завала до того места, где разгружались. Ствол похожий есть, но без следа топора.

Корин поднялся от костра.

— Не тот взяли.

— Именно это я и записал: возможно, не нашли нужного дерева.

— А что вы хотите записать ещё?

Учёный поставил кружку на землю.

— Что мы обязаны проверить, по чему собираемся возвращаться.

Круглов сидел на корточках, чистил ноготь ножом.

— У первого дерева половина коры подрублена. Кусок болтался. Я его рукой трогал, когда выюк переносили. Мимо такого не пройдёшь.

Нестеров спросил, осматривали ли они противоположную сторону ствола. Гранин кивнул. Ребров сказал, что времени тратить больше не имело смысла.

Корин поставил кружку.

— Мы утром проверим. Я найду.

Нестеров ответил сразу:

— Тогда утром идём назад.

Ребров потянулся к кружке, но не взял её.

— Вы хотите вернуться из-за того, что они не нашли дерево?

— Я хочу проверить путь. И больному нужен день полегче.

— Для него мы потеряли сутки ещё на фактории.

— Я не обещал, что одних суток достаточно.

Предприниматель оглядел людей возле костра. Врач видел, что он ищет поддержку и почти наверняка найдёт её у Гранина: тот хотел наблюдать, а не возвращаться. Но учёный неожиданно спросил:

— Что у вас в бумаге?

— Древесина.

— Зачем?

— Вы сами сказали, надо записывать. Не только записывать же. Привезём образец.

Гранин попросил посмотреть. Ребров развернул лист. На нём лежала длинная тонкая щепка; один край был гладким, другой неровным, как у куска, выломанного пальцами. Древесина оставалась влажной. Лидия наклонилась.

— Вы откуда её взяли?

— Из зарубки. Там уже повреждено. Ничего нового не рубил.

Гранин потрогал край щепы, осмотрел ноготь, потом вытер палец о платок.

— Мы не ищем здесь древесину. Если она обычная, незачем нести. Если не обычная, я пока не знаю, как с ней обращаться.

— В сумке. Как со всякой другой.

— Вы меня слышали?

Впервые за день в голосе учёного появилась резкость, не связанная с неправильным названием породы. Ребров поднял обе ладони.

— Хорошо. Что предлагаете?

Гранин предложил оставить образец возле площадки, обозначить место и до утра не трогать. Лидия завернула щепу в собственный платок, положила на плоский камень у ручья. Корин посмотрел на это с такой усталой усмешкой, что врачу захотелось остановить его ещё до слов. Но охотник промолчал.

Каша получилась жидкой, зато горячей. Нестеров предложил добавить крупы. Дулин показал на закрытый мешок: завтра могут пройти ещё меньше. Ребров поддержал его и сам отнёс мешок к выюкам.

Нестеров налил Антону добавку из собственной миски. Тот заметил и хотел вернуть; врач остановил его рукой.

Ночью установили дежурства. На первой стоянке никто не дежурил, кроме Дулина, дважды встававшего проверить оленей. Теперь договорились сменяться по двое. Причина была простая: люди слишком устали, а Корин рассказал о сухих обломках, которые ночью могли осыпаться с верхнего ствола. Нужно было слышать, если зашевелится дерево или начнёт путаться в упряжи животное.

Врач дежурил с Лидией. Она села возле костра, вынула книжку и сверила записи, прикрывая страницу ладонью от летящих искр.

— Вы считаете, что мы заблудились? — спросил он.

— Я считаю, что мы уже дважды не уверены в месте.

— Это одно и то же.

— Пока нет. Заблудились — значит, не знаем, куда идти. Куда идти, мы знаем. Назад. Утром выясним, получится ли.

Она закрыла книжку.

— Зачем вам эта дорога, Михаил Андреевич?

— Я нанялся врачом.

— Это я слышала ещё на фактории. Почему здесь, так далеко? На вашем участке совсем не было работы?

Он посмотрел на палатку, где спали Гранин и Ребров. В другой палатке лежал Антон. Круглов предпочёл место снаружи, возле входа, и укрылся плащом. На расстоянии нескольких шагов Нестеров различал его поднятое плечо.

— Я хочу, чтобы все вернулись.

Лидия поднесла ладони к огню.

— Это теперь. Я спросила, зачем вы поехали сюда.

За два месяца Ребров платил больше, чем Нестеров получал за полгода службы. Ответить про деньги было проще всего. Врач потёр старый шрам на большом пальце.

— Зимой у нас на прииске обвалило выработку. Пока собирали подводы, двоих вынесли. Живых. Я на место приехал с одним помощником.

— Умерли?

— Один. В отчёте написал: поздняя доставка. Сам понимал, что не только доставка. Людей просил, перевязку просил ещё осенью. Но в отчёте этого не написал.

Он убрал руку с колена.

— Ребров сказал: составьте список, всё куплю. Я ему список дал.

Лидия посмотрела на лекарственный мешок у его ног.

— Всё купил?

— Всё.

Она подбросила в огонь короткую ветку. Нестеров услышал треск и лишь тогда заметил, как долго ждал нового вопроса.

Через некоторое время у ручья щёлкнуло. Одиночный, негромкий звук, как если бы на мокром камне лопнул пузырёк воздуха.

Оба повернули голову.

Возле платка ничего не двигалось. Лидия взяла головешку, подошла на несколько шагов, осветила камень. Белая ткань лежала там же, её край намок от брызг.

— Рыба? — спросил Нестеров.

— Не видела.

Она вернулась и положила головешку обратно. До конца дежурства они оба время от времени смотрели на ручей, но больше он ничем не отличался от обычного ручья под лесной стоянкой.

Глава 5. Восемь голосов

Перед рассветом Корин разбудил врача.

Нестеров сразу потянулся к мешку с лекарствами. На второй половине ночи дежурили охотник и Гранин; если пришли за ним, значит, с кем-то что-то случилось. Но Корин покачал головой.

— Поговорить надо. Не здесь.

Врач нашёл сапоги. Портянки не высохли; пришлось надевать влажные. Он никак не мог расправить складку под пяткой. Корин стоял у входа, не уходил.

Корин отвёл его к ручью, подальше от палаток.

— Не задерживайте всех из-за Савина.

— Я не задерживаю всех. Мы не уверены в дороге.

— Я найду. Ребров понимает. Вам с больным остаться надо — оставайтесь. До фактории теперь уже дойдёте, если не спешить.

— Егор тоже останется.

Корин дёрнул плечом.

— Егор нужен. Он с деревом умеет.

— А больному не нужен?

— Вы ж врач. На кой ему двое?

Мимо них прошёл Дулин. Он вёл одного оленя к воде; животное сначала отказывалось переступить через камни. Дулин выбрал другое место и не стал тянуть повод. Охотник подождал, пока они отойдут.

— Я вам добра желаю. Ребров не простит, если партия повернёт по вашей милости.

— Вы ему должны?

Спросил и тут же пожалел: Корин отступил от него на шаг.

Корин потрогал край рукава.

— С чего взяли?

— Он с вами говорит иначе, чем с Дулиным.

— У Семёна свои олени. Свой дом. Мне он лодку чинил, ружьё выкупал. Не всё ведь можно сразу отдать.

— И вы поэтому хотите идти дальше?

— Я поэтому работаю. Сказать вам, что не страшно? Страшно. А вам зарплату не платят?

Нестеров умолк. За ручьём было ещё темно, но возле костра уже шевелились люди. Вельт вынесла котелок; не заметив их, поставила его на землю и долго искала полотенце в сумке.

— Я не предлагаю бросить человека. Вдвоём вернётесь. Если придётся ждать — еду оставим.

— Сколько?

Охотник задумался.

— Посчитаем.

— И если мы не найдём дорогу?

— Найдёте.

Корин уже повернулся к стоянке. Нестерову пришлось пойти следом, хотя ответа о дороге он так и не получил.

Антон уже сидел возле палатки и поправлял портянку на здоровой ноге. Рядом лежал лёгкий свёрток — запасная рубаха и тонкое одеяло.

— Мне это можно нести? — спросил он.

Врач посмотрел на свёрток.

— Можно. Сейчас перевяжем ногу, потом поедите.

Круглов молча подал кружку с водой. Его лицо было серым от недосыпа. Нестеров подумал, что разговор с Кориным он, вероятно, слышал: от ручья до палаток было не так уж далеко. Но Егор не спросил ничего.

За завтраком Ребров предложил разделиться.

Изложил предложение обстоятельно, почти так же, как говорил Корин: больной и врач остаются, трое проверяют обратный путь, ещё трое идут немного вперёд. К вечеру собираются здесь. Никто не теряет день, никто не идёт без помощи.

Гранин попросил уточнить, кто именно останется с врачом.

— Савин. Я же сказал.

— Это вдвоём. А вы говорили о трёх разведчиках в каждую сторону. Нас восемь.

— Да. Именно.

— Значит, оба проводника разойдутся. У каждой группы по одному. Кто останется при оленях?

Ребров повернулся к Дулину.

— Олень простоит день.

Дулин посмотрел на привязанных оленей.

— Этого одного Антон удержит. А тот, рыжий, к соседнему полезет. Его оттаскивать надо. Доктор будет оттаскивать или ногу перевязывать?

— Мы не берём вьюки. Это разведка.

— Тогда здесь вся еда. Там ничего. Посередине дорога, которую вы вчера два раза не узнали.

Ребров подвинул миску, не доев. Корин тоже замолчал.

Лидия смотрела на Гранина. Он повернул к ней лист с маршрутными отметками; она поправила одну из них и вернула. Гранин всё ещё держал палец на северном крае схемы, там, куда хотел пойти. Потом сложил лист. Нестеров ждал, что учёный поддержит Реброва, и ошибся.

— Возвращаемся вместе. Сначала до вчерашнего ручья. Если узнаем путь, решим, что дальше. Никаких одиночных походов.

— Кто здесь руководитель? — спросил Ребров.

Никто не ответил сразу. С реки, оставшейся далеко за лесом, не доносилось ни звука. Шёлестели только листья в уцелевшей берёзе у края площадки; ветер ещё не достигал земли.

Дулин поднялся.

— Вы наняли меня вести. Я говорю: назад. Доктор говорит: назад. Аркадий Ильич говорит: назад. Если мы все не нужны, скажите сейчас.

Нестеров впервые увидел, как Ребров не может выбрать подходящий ответ. Предприниматель положил ладони на колени, затем взял миску и стал есть остывшую кашу.

— Хорошо. До ручья.

После завтрака они собирались медленно. Усталость не прошла. Каждому пришлось найти, что именно у него намокло, оторвалось или оказалось положено не в тот мешок. У одной кассеты отломился язычок застёжки. Он упал в траву; Вельт и Нестеров искали его несколько минут, но не нашли. Кассета была пустой, её отложили и обвязали шнуром. Гранин потерял карандаш, нашёл его в траве под своим плащом и с таким облегчением спрятал в карман, что Нестеров невольно улыбнулся.

Оленей вёл Дулин. Корин расчищал место, где мешала сухая ветвь, но Круглов попросил сперва попробовать отвести её целиком.

— Ты теперь топора боишься? — спросил охотник.

— Я сучья на глаз узнаю. Бояться пока нечего. Отведи.

Круглов прижал ветвь к земле. Олени переступили через неё, и он отпустил; концы сухих сучьев поднялись позади последнего вьюка.

Перед выходом Ребров пошёл к камню у воды. Взял белый платок, поднял его за края. Щепка лежала внутри, тёмная от влаги. Гранин заметил движение.

— Оставьте пока здесь.

— Вы всерьёз собираетесь возвращаться за деревяшкой?

— Нет. Если уйдём к фактории, она здесь и останется.

Ребров положил платок на камень. Врач смотрел на его руки. На среднем пальце была маленькая свежая царапина; вероятно, он зацепился о рваный край древесины.

Вместо топорной метки Лидия повязала на ближайший куст полоску полотна. Написала карандашом цифру «2», поставила дату и нарисовала кружок. Нестеров спросил, зачем кружок.

— Чтобы не прочесть двойку вверх ногами. Тогда будет понятно, как держать.

Все восьмеро снова собрались на нижнем краю стоянки. Дулин оглянулся, пересчитывая их взглядом. Врач сделал то же самое.

Корин шёл впереди, как и вчера. Но теперь, прежде чем повернуть, ждал, пока к нему подойдёт проводник. Нестеров не знал, надолго ли хватит этой осторожности. Всё же от неё было немного легче идти.

Глава 6. Обратная тропа

Красную полоску нашли на той же ветке.

Пока её не было видно, Нестеров следил за лицом Корина. Охотник шёл уверенно, иногда поднимал ладонь, показывая, куда ставить ногу. Один раз он свернул раньше, чем Дулин, и проводники около минуты разглядывали следы: выючная верёвка протащилась по глине, оставив дорожку. Они согласились без спора. Врач уже почти поверил, что вчерашняя тревога возникла от усталости.

Возле лиственницы разгружаться не пришлось. Олень прошёл первым; остальные последовали за ним. Корин не задержался у зарубки, только посмотрел, цела ли ткань. Гранин, напротив, подошёл к стволу, потратил несколько минут на осмотр, затем догнал группу.

Нестеров спросил, изменилось ли что-нибудь.

— Стало темнее. Высыхает, вероятно.

Учёный хотел потрогать срез, но передумал. Врач заметил это и сам держался чуть дальше от дерева.

Потом они дошли до места, где вчера повязали Антону ногу.

Плащ, конечно, унесли, однако на мху сохранилась широкая примятая площадка. В стороне лежал короткий конец бинта, который Нестеров отрезал и не нашёл, когда собирал вещи. Он поднял его, спрятал в карман для мусора.

— Здесь сидели.

Антон кивнул.

Круглов показал на дерево. Оно было толще лиственницы с красной тканью, над землёй торчал сучок, который Корин задел топором. Но зарубки не было.

На том месте, где её помнил Нестеров, проходила гладкая тёмная полоса. Она походила на старый рубец, затянувшийся после повреждения, хотя никаких лет для этого не прошло. Круглов провёл по ней ладонью, потом поддел ножом крошечный участок у края.

Гранин остановил Круглова:

— Не ковыряйте.

Егор убрал нож.

— Я и не ковыряю. Там сыро.

Он показал мокрый палец. Корин подошёл, ощупал сучок, пошёл вокруг дерева. Вернулся с другой стороны.

— Не могло так затянуть.

Ребров возразил:

— Значит, ошиблись деревом.

Корин повторил:

— Значит, не могло так затянуть.

Корин проверил сучок ещё раз, ногтем царапнул кору возле тёмной полосы. На вопросы Реброва отвечал, не оборачиваясь.

Они всё-таки прошли дальше. Теперь путь должен был спускаться к первому ручью, где Дулин нашёл лиственницу, которой прежде не было. Между этим местом и вчерашней стоянкой не могло быть большой реки или глубокого оврага. Дулин повторил это несколько раз, пока Гранин проверял записи.

Спуск существовал. Внизу под корнями слышалась вода. Корин первым пролез в низкий проход между двумя стволами. Нестеров придержал плечо Антона; тот пригнулся и прошёл следом. Дулин задержал оленей перед тесным местом. Сначала сняли ящики и перенесли отдельно; с мягкими мешками животные прошли следом.

На другой стороне земля оказалась ровнее.

Врач распрямился. У него заболела поясница. Он сделал ещё несколько шагов и заметил куст, на который кто-то повязал белую ткань.

Ткань висела слишком низко. Её нижний край касался мокрого мха. На ней была написана двойка.

Нестеров остановился.

Позади олени ещё входили в проход. Он услышал, как Ребров попросил приподнять ящик, чтобы угол не цеплял кору. Дулин ответил. Круглов коротко выругался. Всё происходило непрерывно; никто не замолчал, не исчезал из поля зрения на долгий срок. Врач сам только что держал руку на плече больного.

— Стойте.

Корин уже смотрел на площадку.

Там лежали угли их утреннего костра. На земле остался след котелка — круглая вмятина в золе. В нескольких шагах ниже по склону белел платок на камне.

— Нет.

Нестеров пошёл к кусту. Кружок рядом с двойкой был на месте. В траве под тканью лежал язычок застёжки, потерянный утром. Врач поднял его.

Вельт подошла к нему и взяла металлический обломок, не спрашивая. Посмотрела, спрятала в карман.

Они стояли друг напротив друга. Впервые за всё путешествие Нестеров не мог придумать вопроса, который приблизил бы его к пониманию.

Ребров велел разгрузить оленей. Сказал это громко, деловым голосом. Врач был ему благодарен за простое поручение, пока не увидел руки Дулина: проводник держал повод настолько сильно, что шнур вдавился в пальцы.

— Разгрузим. Но сначала отойдём от прохода.

Они отвели животных на ту же площадку. Круглов усадил Антона, снял с него свёрток. Гранин достал часы. Посмотрел на циферблат, потом поднёс к уху.

— Мы шли два часа с четвертью.

Ребров развёл руками.

— Сделали круг.

Никто не возразил. Круг был единственной обычной причиной, которая ещё могла объяснить случившееся. Нестеров начал восстанавливать дорогу: красная ткань, площадка перевязки, тёмная полоса на дереве, спуск. Дулин перечислил те же места. Корин указал рукой: чтобы вернуться сюда, нужно было подняться обратно, но подъёма не было.

Гранин потребовал пройти участок снова, на этот раз не всем.

— Вдвоём. Я и кто-нибудь ещё. За нами будут наблюдать отсюда.

Дулин поглядел на стволы, закрывавшие обзор.

— За деревьями не увидишь.

— Тогда привяжем шнур.

Лидия достала моток из ящика. Шнур был нужен для подвески полотна и крепления вещей; его длину они измерили отрезком ручки штатива. Около сорока аршин, если не ошибиться в счёте. Гранин записал число, затем решил добавить ещё две короткие верёвки. Общая длина вышла чуть больше пятидесяти аршин.

Нестеров настоял, чтобы учёного сопровождал Корин: тот хоть немного знал местность. Гранин согласился.

Один конец закрепили у площадки, но не на дереве: обвязали вокруг тяжёлого камня. Лидия держала моток, выпуская шнур. Нестеров стоял рядом. Ребров остался возле оленей; Дулин пошёл вверх, чтобы увидеть людей сбоку и не потерять из виду проход между стволами.

Гранин и Корин двинулись обратно. Через несколько шагов скрылись. Верёвка уходила из рук ровно, без рывков. Врач слышал, как они разговаривают: голос Корина сначала был глухим, потом стал звучать отчётливее.

— Михаил Андреевич.

Нестеров повернулся к ручью.

Корин стоял ниже площадки, возле камня с платком. За ним появился Гранин, держа свободный конец шнура. Оба не понимали, откуда подошли.

Лидия не выпустила даже половины мотка.

Дулин спустился с другого края. Он видел, как двое вошли под стволы, затем слышал шаги, но не мог увидеть, как они оказались возле ручья: вода шла там под густым корневым навесом.

Гранин положил конец шнура на землю.

Нестеров присел рядом с ним. Верёвка не порвалась. Тянулась от камня, уходила в проход, затем выходила снизу возле ручья. Врач мог ухватить её здесь и там, но между двумя видимыми частями находилась древесина. Потянул конец возле ручья: Лидия сразу почувствовала натяжение у камня. Узла или разреза не было.

Гранин поднял свободный конец шнура.

— Пройдём обратно. По нему.

На этот раз они шли назад по шнуру. Ушли возле ручья, появились из прохода. Нестеров смотрел, как учёный выпрямляет спину, и сам невольно выпрямился вместе с ним.

— Расстояние? — спросила Лидия.

Гранин показал на оставшийся моток.

Они измерили использованный участок. Чуть больше двенадцати аршин. Между ручьём и входом под стволы, если идти поверху, было не меньше сотни шагов. Корин прошёл сверху, пересчитывая их вслух; к концу сбился, начал снова и вернулся с числом сто восемнадцать. Дулин прошёл следом и насчитал сто двадцать три.

Нестеров держал верёвку. Она лежала в ладони — обычная, шершавая, чуть влажная в месте, где касалась воды. Спорить с ней оказалось труднее, чем со вчерашней зарубкой.

Ребров предложил снять один из стволов.

Круглов посмотрел на него.

— Зачем?

— Увидим, что там.

— Вы видите, что там. Павел Саввич туда вошёл, оттуда вышел.

— Я хочу увидеть проход.

— Тогда полезьте. Дерево зачем двигать?

Гранин поддержал Круглова. Пока не понимали, что происходит, менять место нельзя. Учёный говорил спокойно, но Нестеров заметил, что пальцы, которыми тот застёгивал крышку компаса, несколько раз промахнулись.

Решили прекратить опыты до еды. Никому не хотелось есть, однако каша осталась с утра, и её нужно было разогреть. Дулин перевязал животных дальше от ручья. Лидия попросила не трогать шнур: хотела зарисовать обе его видимые части.

Нестеров сел возле Антона.

— Нога?

— Нормально.

Врач не поверил, но прежде чем возразить, услышал:

— Я видел, как вы боялись.

Нестеров посмотрел на него. Антон держал палку обеими руками.

— Вам не стало легче? — спросил врач.

— Немного. А то всё время один я тут не могу понять, что делать.

Нестеров мог бы сказать, что знает хотя бы, как лечить рану. Мог успокоить его обещанием найти выход. Вместо этого достал чистую воду и спросил, хочет ли больной сначала поесть или сменить повязку.

Антон выбрал еду.

Глава 7. Две стороны дерева

После еды Нестеров заставил всех вымыть руки.

Просьба казалась нелепой: у них под ногами соединялись места, которые не должны были соединяться, а врач заговорил о грязи. Корин даже засмеялся, но пошёл к воде первым. За ним остальные. У Реброва кровоточила царапина на пальце; Нестеров обработал её и перевязал узкой полосой полотна.

— Из-за такой малости тоже будете останавливать партию? — спросил предприниматель.

— Нет. Вы можете работать другой рукой.

Ребров подставлял кисть, пока врач затягивал узел. Сразу после этого взялся за ремень здоровой рукой.

Гранин предложил разделить наблюдения.

Олени и выюки должны были оставаться на открытой площадке. Дулин и Антон присматривали за ними; больному вменили в обязанность звать, если животное начнёт беспокоиться, а не вставать самому. Лидия и Нестеров остались у конца шнура, выходившего к ручью. Гранин, Корин и Круглов пошли к проходу между стволами. Ребров хотел идти с ними, но учёный попросил его наблюдать от камня: там требовался ещё один человек, который мог бы принести воду.

Договорились переговариваться и не двигать ничего без общего согласия. Нестеров видел, как Ребров собирается возразить на последнее условие. Потом предприниматель посмотрел на поднимавшийся от ручья шнур и промолчал.

Корин прошёл весь необычный участок ещё раз, теперь медленно. Вернулся с другой стороны, вынул платок, вытер лоб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.